

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

УДК 316.4

DOI 10.23683/2227-8656.2017.4.12

ЭНТРОПИЙНЫЙ РОСТ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПРОЕКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Воробьев Геннадий Александрович

Кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой информационно-
коммуникационных технологий,
математики и информационной
безопасности, Пятигорский
государственный университет,
г. Пятигорск,
e-mail: vorobyev@pglu.ru

ENTROPY GROWTH IN RUSSIAN SOCIETY IN TERMS OF SOCIAL UNCERTAINTY

Gennadiy A. Vorob'ev

Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of the Department
of Information and
Communication Technologies,
Mathematics and Information Security,
Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk,
e-mail: vorobyev@pglu.ru

Выступая как данность, социальная реальность есть одновременно результат собственной деятельности личности и любого другого социального субъекта, благодаря чему данность превращается в социальное пространство деятельности социального субъекта. Энтропийный рост в проекции социальной неопределенности происходит на фоне того, что в современном мире усиливаются хаотические тенденции и нарастают риски. В российском обществе реакцией на ситуацию хаоса и всеобщего риска являются, с одной стороны, атомизация общества, с другой – формирование человеческих сообществ, ориентированных на самозащиту и выживание, против состояния неопределенности.

Social reality, being absolute givenness is simultaneously the result of a person's and any other social subject activity. As a result the reality turns into a social subject's social activity space. Entropy growth in terms of social uncertainty occurs in the conditions of the increase of chaotic tendencies and increasing risks in modern world. In Russian society there are two responses to the situation of chaos and General risk, on the one hand it is the atomization of the society, on the another – the formation of human communities, focused on self-defense and survival against the state of uncertainty.

Ключевые слова: социальная энтропия, **Keywords:** social entropy, social reality, энтропийный рост, entropy growth, социальная неопределенность, risk, social uncertainty, risk.

Введение

Восприятие социальной реальности человеком прежде всего предполагает постановку им диагноза стабильности или нестабильности ситуации. Необходимость постановки диагноза обусловлена тем, что человек стремится принимать адекватные решения, что, в свою очередь, зависит от легитимных норм и правил игры, функционирующих в обществе на момент принятия решения. Ситуация неопределенности и нестабильности делает невозможной ориентацию на устойчивые социальные правила и практики, поэтому процесс принятия решений всегда сопровождается риском и стрессом. Ситуация неопределенности и нестабильности вызывает у социальных субъектов чувство растерянности, тревожности, апатию и депрессию [1, с. 84].

Понятие «социальная неопределенность» в социальном познании

Понятие «социальная неопределенность» широко употребляется не только в обыденной речи, но и в социальном познании, что связано с изменением взгляда на объект познания и познавательный процесс. М. Хайдеггер актуализировал рассмотрение в рамках философии неопределенного фона, позволяющего увидеть сущее. Проблема неопределенности раскрывается через связь с такими актуальными направлениями человеческого познания, как предсказание и прогностика. Именно сейчас многие культуры и цивилизации находятся в кризисном состоянии, вблизи от критических точек развития. Неопределенность в таких точках становится максимальной, что придает проблеме серьезную актуальность и теоретическую значимость [2].

А.С. Ахиезер обращает внимание на существование «конструктивной напряженности», которую он определяет как психологическое и культурное усилие социального субъекта в его последовательном противостоянии энтропийным процессам. При этом хаос и дезорганизация могут играть позитивную созидательную роль, поскольку заставляют субъекта культивировать свои способности и повышать эффективность деятельности. Но все это длится до тех пор, пока субъект удерживает дезорганизацию на некотором допустимом уровне. В противном случае она выливается в разрушительную силу, способную уничтожить общество и даже самого человека [3, с. 22].

Ю.А. Зубок, отталкиваясь от понятия неопределенности, пишет, что неопределенными в широком смысле считаются те процессы и яв-

ления, которые однозначно не установлены и не вполне осознаны. Объективная неопределенность вытекает из бесконечности общественных связей, которые постоянно переживают формирование и распад [4].

Л.А. Осьмук обращает внимание на то, что в повседневной жизни индивид часто воспринимает неопределенность как ситуацию, еще более неприятную, чем конкретная угроза или разрастающийся конфликт. Неопределенность связана с состоянием социальной реальности, воспринимаемой через разрушение стабильных социальных структур. Сама ситуация неопределенности может зависеть от разных причин, но она с неизбежностью вызывает чувство тревоги и ощущение дезориентации.

Ситуация неопределенности лишает человека смысла происходящего. «Как только человек понимает смысл происходящего, как только он выстраивает стратегию своих действий и создает некоторую личностную “идеологию”, характер неопределенности начинает меняться. Классическая ситуация неопределенности определяется через ставшее крылатым китайское пожелание-проклятие “жить тебе в эпоху перемен”. Перемены, какими они бы ни были, всегда создают ситуацию неопределенности. Неопределенность ощущается современным человеком по-особому, как непреходящее и естественное состояние. Она не воспринимается как катастрофа, потому что такое состояние вполне можно терпеть, более того, можно вполне удачно в нем существовать» [1, с. 131–132, 134].

Состояние социальной неопределенности в современном российском обществе

Состояние неопределенности в современном российском обществе связано с нарастающими рисками.

О.Н. Яницкий еще в 1990-е гг. обращал внимание на то, что Россия становится обществом всеобщего риска. Исторические корни вируса всеобщего риска можно обнаружить еще в трудах коммунистических идеологов, которые работали над созданием проекта радикальной трансформации российского общества. Самым опасным риском являются насильственное разрушение любого социума и попытка строительства из его обломков нового общества. В связи с этим главными виновниками создания в России общества катастрофического типа представляются доктрина коммунизма и ее социетальные структуры.

Реформы 1990-х гг. – это не столько трансформация российского общества, сколько очередное возрождение уже существовавшей рискогенной системы, в рамках которой господствующая элита накап-

ливает власть посредством интенсивной эксплуатации социальной и природной среды и сброса в нее технологических и социальных рисков. На социетальном уровне это находит свое выражение в отрицательной социальной динамике, которая проявляется в демодернизации и архаизации большинства сфер общественной жизни [5, с. 86–87].

Можно согласиться с выводом, что эпоха неопределенности сопровождается явлениями и процессами, способными быстро менять свою форму и свое содержание. С неопределенностью связано то, что индивидуализация личности естественным образом сливается с ее растворением в массе, а нарастание креативности идет параллельно с увеличением безграмотности во вполне цивилизованных государствах.

Ситуация выглядит так, что каждая из траекторий развития часто выступает источником или же причиной противоположной траектории. Дихотомия социальных явлений всегда сопровождает развитие социума, но при ускорении развития смена одних тенденций на противоположные происходит гораздо быстрее и более явно [6].

Поскольку социальная энтропия как социокультурный феномен воплощает совокупность характеристик социальной реальности, сложившихся в ходе социального взаимодействия и отражающих меру ее отклонения от условно нормального состояния, она неизменно увязывается с рассогласованностью индивидуальных интенций взаимодействующих субъектов, препятствующей их самоидентификации.

Энтропийный рост в условиях социальной неопределенности меняет положение и социальный статус личности.

Казалось бы, в условиях формирования новой социальности должна происходить трансформация личности в креативный социальный тип. От человека требуются обладание системным знанием, постоянное обновление информации об окружающем социальном мире, усиление мотивации и способности неординарно решать проблемы. Успешная деятельность личности напрямую зависит от ее способности адаптироваться к окружающей социальной среде. Возрастает необходимость считаться со стремлениями и свободной волей человеческой личности.

Однако этого не происходит. В свое время общество и власть не были заинтересованы в становлении личностей, делая ставку на обезличение человека. Советская власть была заинтересована в послушных исполнителях, в тех, за кого думает начальство и задача которых – выполнять приказания. В силу этого в Советском Союзе, как и в Российской империи, фактически не было общества в истинном значении этого слова – как совокупности людей, имеющих общность происхож-

дения, интересов и целей, осознающих свою причастность к тому, что происходит в стране, и свою ответственность за ее будущее [6].

После падения коммунистической власти Россия сохранила привычные основы. Уважение к личности никоим образом не стало опорой для движения вперед и базисом реальной модернизации, которая способствовала бы переходу российского традиционного общества к постиндустриальному состоянию, а российской экономики – в высокотехнологичную, свободную от сырьевой зависимости. Над страной довлеет рабская психология. Главы субъектов Российской Федерации практически во всем готовы подчиняться федеральной власти и рассчитывают на такое же рабское подчинение со стороны региональных чиновников и жителей вверенного им субъекта. Абсолютно такая же картина наблюдается и на уровне муниципального управления [7, с. 390–391].

Энтропийный рост в проекции социальной неопределенности в современном российском обществе

Существенную негативную роль продолжает играть сохраняющийся социокультурный раскол.

Некогда А.С. Ахиезер предложил трактовку раскола как застойного, угрожающего дезинтеграцией общества социокультурного противоречия, «острого застойного противоречия между культурой и социальными отношениями». Согласно его подходу, существование общества связано с постоянными попытками установления меры между логическими полюсами абсолютного порядка и беспорядка, причем бывают ситуации, когда сама эта попытка несет в себе хаос в условиях проявления механизма социокультурного раскола [7].

Напрямую увязывая раскол с дезорганизацией, А.С. Ахиезер исходил из того, что именно раскол выступает в качестве причины дезорганизации, поскольку налицо неспособность общества обеспечить глубинный консенсус и консолидацию на базе совокупности единых значимых форм социальной жизни и системы ценностей [3].

Энтропийный рост обусловлен тем, что, по оценкам социолога В.Г. Немировского, Россия находится между стадией *рождения* и стадией *развития* социума. Многочисленные социологические опросы свидетельствуют, что для большинства населения наиболее актуальным является удовлетворение физиологических потребностей выживания, а также потребностей безопасности и защиты. Уровень цивилизационного развития российского социума заметно снизился [8, с. 21].

Энтропийный рост в проекции социальной неопределенности тесно связан с процессом рыночных и социокультурных преобразова-

ний и трансформаций, в ходе которых формируется конкурентная среда. В таких условиях Россия стремится сформировать современную систему управления посредством демократизации властных и политических отношений, а также диверсификацию политического технологий и политического влияния. В процессе конструирования новой социальной реальности важной частью политической деятельности и неотъемлемым элементом социально-политической жизни выступает политическое управление. Новые и инновационные формы политического управления позволяют сделать политическую деятельность более гибкой, системной, творческой и способной конструировать представления о будущем [9, с. 5].

Значимым трендом эволюции российского общества в координатах энтропийного роста является взаимодействие традиционализма с интенциями социальной модернизации. Традиционалистско-архаическая составляющая в обществе проявляется в сознательном и целенаправленном воздействии властвующего субъекта (политической элиты, доминирующей социальной группы и т.п.) на массовое сознание и массовое поведение, а степень ее проявления обусловлена интересами различных кланов политического класса, уровнем социальной и политической неопределенности, социокультурной средой.

Социальная модернизация современной России, стремящаяся в том числе устранить барьеры традиционализма, в то же время имеет различные последствия для человеческой личности, оказывая влияние на его психологическое состояние, внутренний мир, условия повседневного существования и ценности. Человек ощущает значимость модернизационных процессов для его бытия, так как они меняют взгляды на мир и реакции, трансформируют стереотипы мышления и структуры сознания.

Значимой тенденцией социальной эволюции России становится наложение традиционализма и архаики, исторически сложившихся и функционирующих в обществе, на новые пласты культурной архаики, связанной с трудностями модернизации и социального транзита.

В ходе позиционирования в социальном пространстве модернизации осуществляется переход от традиционного общества к современному, лишенному оков традиционализма, патернализма и патриархальности. Этот сложный и болезненный переход по своей природе является социокультурным, поскольку захватывает всю сферу социальности, понимаемой как совокупность экономических, социальных, политических и идеологических отношений, а также культуру как совокупность способов и результатов человеческой деятельности.

Выступая как данность, социальная реальность есть одновременно результат собственной деятельности личности и любого другого социального субъекта, благодаря чему данность превращается в социальное пространство деятельности социального субъекта. Социальная энтропия находит свое проявление в таких траекториях, как распространение социальной дезорганизации и чередование порядка и хаоса как доминант, в обесценивании творческой энергии общества, его рутинизации, в деформации социокультурной среды, размывании системно-иерархической структурированности нормативно-ценностного пространства.

На это обращает внимание социолог и социальный философ Л.Д. Гудков, полагающий, что современное российское общество, будучи слабоорганизованным, имеет слишком низкий уровень солидарности. Целостность общества поддерживается не столько внутренним единством, сколько механическим путем, через структуры государственной интеграции и государственного подчинения. В связи с этим современное российское общество с большим трудом, очень медленно и с неясными перспективами пытается выйти из тоталитарного прошлого, в рамках которого господствовала система тотального контроля государства над всеми сферами общественной жизни, а государство выступало главным моралистом, воспитателем, полицейским, работодателем и надзирателем [10, с. 22].

Заключение

Таким образом, восприятие человеком социальной реальности прежде всего зависит от постановки им диагноза стабильности или нестабильности ситуации. Нестабильность, неопределенность ситуации представляет собой особое состояние социальной реальности, связанное с восприятием гибнущих социальных структур. Ситуация неопределенности может быть различной и зависит от обуславливающих ее причин, но она всегда провоцирует чувство тревожности и дезориентации.

Энтропийный рост в проекции социальной неопределенности происходит на фоне того, что в современном мире усиливаются хаотические тенденции и нарастают риски. В российском обществе реакцией на ситуацию хаоса и всеобщего риска являются, с одной стороны, атомизация общества, с другой – формирование человеческих сообществ, ориентированных на самозащиту и выживание, против состояния неопределенности.

Поскольку социальная энтропия как социокультурный феномен воплощает совокупность характеристик социальной реальности, сло-

жившихся в ходе социального взаимодействия и отражающих меру ее отклонения от условно нормального состояния, она неизменно увязывается с рассогласованностью индивидуальных интенций взаимодействующих субъектов, препятствующей их самоидентификации, а энтропийный рост в условиях социальной неопределенности меняет положение и социальный статус личности.

Сохраняющийся социокультурный раскол современного российского общества продолжает играть существенную негативную роль, запуская механизм саморазрушения общества. Пребывание общества в состоянии раскола предполагает его неспособность сформировать глубокий консенсус, базисное нравственное основание деятельности, объединиться на основании общей идеологии, общих ценностей и форм общественной жизни.

Энтропийный рост в проекции социальной неопределенности теснейшим образом связан с рыночными и социокультурными преобразованиями и трансформациями, образованием конкурентной среды. Значимым трендом эволюции российского общества в координатах энтропийного роста становится также взаимодействие традиционализма с интенциями социальной модернизации. Традиционалистско-архаическая составляющая в обществе проявляется в сознательном и целенаправленном воздействии властвующего субъекта (политической элиты, доминирующей социальной группы и т.п.) на массовое сознание и массовое поведение, а степень ее проявления обусловлена интересами различных кланов политического класса, уровнем социальной и политической неопределенности, социокультурной средой.

В ходе позиционирования в социальном пространстве модернизации осуществляется переход от традиционного общества к современному, лишенному оков традиционализма, патернализма и патриархальности. Этот сложный и болезненный переход по своей природе является социокультурным, поскольку захватывает всю сферу социальности, понимаемой как совокупность экономических, социальных, политических и идеологических отношений, а также культуру как совокупность способов и результатов человеческой деятельности.

Литература

1. *Осьмук Л.А.* Социальная неопределенность и метаморфозы современного общества // Идеи и идеалы. 2010. Т. 1, № 4.
2. *Фабер В.О.* Проблема неопределенности в структуре философского знания: онтологический, гносеологический, антро-

References

1. *Os'muk L.A.* Sotsial'naya neopredelennost' i metamorfozy sovremennogo obshchestva // Idei i idealy. 2010. T. 1, № 4.
2. *Faber V.O.* Problema neopredelennosti v strukture filosofskogo znaniya: Ontologicheskiy, gnoseologicheskiy, antropolog-

пологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2004.

3. *Матвеева С.* Как возможно утопическое общество: опыт социокультурного словаря-монографии // Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2 : социокультурный словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998.

4. *Зубок Ю.А.* Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М. : Мысль, 2007.

5. *Яницкий О.Н.* Россия как общество всеобщего риска // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / отв. ред. Т.И. Заславская. М. : Логос, 1999.

6. *Харичев И.* На чем строим грядущую Россию? // Ежедневный журнал. 2012. 4 дек.

7. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998.

8. *Немировский В.Г.* Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

9. *Обухов Д.В.* Потенциал политического менеджмента в конкурентной среде современного российского общества. Ростов н/Д. : СКНЦ ВШ, 2011.

10. *Гудков Д.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г.* Фоторобот российского обывателя // Мир России. 2009. № 2.

icheskiy aspekty : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Saratov, 2004.

3. *Matveeva S.* Kak vozmozhno utopicheskoe obshchestvo: opyt sotsiokul'turnogo slovary-a-monografii // Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. 2 : sotsiokul'turnyy slovar'. 2-e izd., pererab. i dop. Novosibirsk : Sibirskiy khronograf, 1998.

4. *Zubok Yu.A.* Fenomen riska v sotsiologii. Opyt issledovaniya molodezhi. M. : Mysl', 2007.

5. *Yanitskiy O.N.* Rossiya kak obshchestvo vseobshchego riska // Kuda idet Rossiya?.. Krizis institutsional'nykh sistem: vek, desyatiletie, god / otv. red. T.I. Zaslavskaya. M. : Logos, 1999.

6. *Kharichev I.* Na chem stroim gryadushchuyu Rossiyu? // Ezhednevnyy zhurnal. 2012. 4 dek.

7. *Akhiezer A.S.* Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). Novosibirsk : Sibirskiy khronograf, 1998.

8. *Nemirovskiy V.G.* Rossiyskiy krizis v zerkale postneklassicheskoy sotsiologii. M. : LIBROKOM, 2009.

9. *Obukhov D.V.* Potentsial politicheskogo menedzhmenta v konkurentnoy srede sovremennogo rossiyskogo obshchestva. Rostov n/D. : SKNTs VSh, 2011.

10. *Gudkov D.D., Dubin B.V., Levinson A.G.* Fotorobot rossiyskogo obyvatel'ya // Mir Rossii. 2009. № 2.

Поступила в редакцию

15 мая 2017 г.